

Роман Злотников

НА ПЕРЕЛОМЕ ВЕКОВ

T8 RUGRAM

УДК 82-312.9
ББК 83.3(2Рос=Рус)
3-68

Миры Романа Злотникова

Злотников, Р.В.

3-68 На переломе веков / Р.В. Злотников — М. : Т8 Издательские технологии/RUGRAM. — 594 с. — (Генерал-адмирал).

ISBN 978-5-519-66250-5

Великий князь Алексей Александрович — генерал-адмирал и начальник Главного артиллерийского управления (он же Алексей Коржин, бывший топ-менеджер из XXI века) — продолжает масштабные экономические преобразования в России. Императора Александра III на престоле сменил Николай II. Подходит к концу XIX столетие. В стране действуют переселенческие и образовательные программы, строятся промышленные предприятия, развивается сельское хозяйство, трансваальское золото и новые заводы работают на перевооружение российских армии и флота. Но даже великому князю пока не под силу резко изменить положение дел в мировой политике.

Впереди — Первая мировая война. А чтобы она закончилась не так, как в известной нам истории, необходимо для начала победить в Русско-японской и решить важные внутренние проблемы...

УДК 82-312.9
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FLC
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-519-66250-5

© Роман Злотников, 2011
© Т8 RUGRAM, оформление, 2018

ПРОЛОГ

— Вы знаете, что еще сотворил его непотребное высочество?! — громогласно спросил, врываясь в гостиную, полный господин с потным, красным лицом, одетый в длиннополую бобровую шубу и шапку из того же меха.

Сэр Эфраим Эверсон, сидевший в кресле у камина и беседовавший с хозяйкой дома, генеральской вдовой Елизаветой Ивановной Чертковой, обернулся и уставился на нарушителя спокойствия.

— Акакий Аркадьевич, голубчик! — отозвалась Елизавета Ивановна, в знак извинения улыбнувшись сэру Эфраиму. — Ну что ж вы так — не раздевшись... ворвались... кричите... Не сомневаюсь, что ваше возмущение вполне оправданно, но у нас же гость, посланец Учителя! Что он о нас подумает?

— Ах да... — Полный господин слегка смутился, но не надолго. — Ну нет, вы только послушайте, что он придумал! — спустя мгновение снова заорал он, выпутываясь из шубы и сбрасывая ее на руки догнавшего его слуги, который, видимо, бежал за ним от самой прихожей. Вслед за шубой в руки слуги переместились шапка, шарф и щегольская трость, так что Акакий Аркадьевич наконец разоблачился и остался в дорогой тройке из английского твида. — Он принудил Морской технический комитет отказаться от рассмотрения проектов кораблей с отоплением котлов на угле! Вы понимаете, что это означает? — Толстяк возмущенно фыркнул. — О-о, это длительная политика! Уж мне-то совершенно ясно, что он собирается заставить флот перейти на нефтяное отопление котлов. И делает он это для того, чтобы расширить возможности сбыта его собственной нефти, добываемой на принадлежащих ему бакинских промыслах. Это... это... вопиющий пример казнокрадства!

Сэр Эфраим, сохраняя непроницаемое выражение лица, внимательно прислушивался к горячей речи толстяка. В этой компании никто даже не подозревал, что англичанин отлично владеет русским языком, поэтому

в его присутствии все разговаривали свободно. Что полностью отвечало его желанию.

В эту страну (а в представлении большинства просвещенных сынов туманного Альбиона она была чем-то вроде Берега Слоновой Кости, расположенного гораздо севернее и населенного туземцами с белой кожей, ничуть не переставшими от этого быть дикарями) сэр Эфраим прибыл две недели назад с рекомендательным письмом от Гренвиля Огастеса Уильяма Вальдгрева, третьего барона Редстока, пылкого миссионера, который уже давно нес окружающим неугасимый свет открывшихся ему истин в самой свежей и, соответственно, самой истинной их интерпретации. Барон, несмотря на весь свой миссионерский пыл, никогда не забывал о том, что он подданный британской королевы и пэр Ирландии. Так что когда к нему обратился один из его братьев-пэров с просьбой написать рекомендательное письмо, барон не стал задавать лишних вопросов и добросовестно исполнил требуемое. Тем более что обратившийся к нему за рекомендацией собрат считался человеком чести и ранее ни в чем предосудительном замечен не был, даже наоборот — успел прославиться как человек, несущий свет цивилизации народам, погрязшим в невежестве. И что с того, что этот свет зачастую в реальности являлся языками пламени, вырывавшегося из ружейных и орудийных стволов в момент выстрела?..

Обширная паства у лорда Редстока в столице обширной страны (только по недоразумению все еще продолжавшей именоваться северной, ибо попущени-

ем Господа и занятой множеством других проблем королевы Виктории южные границы этой страны уже давно достигли субтропиков и пустынь) появилась еще в 1874 году, когда он впервые прибыл в Санкт-Петербург со своими проповедями. Эти проповеди имели ошеломляющий успех и обеспечили барону сонмы последователей и учеников, в число которых входили княгини и графы, офицеры и генеральские вдовы, купцы и ремесленники. Сам Гренвиль Огастес провозгласил это благословением Господним, но сэр Эфраим, вследствие специфического жизненного опыта являвшийся куда большим прагматиком, чем третий барон Редсток, склонен был видеть тут обычное преклонение туземцев перед цивилизованными людьми. Эфраим Эверсон служил Британской империи в Китае, Индии, Африке, на Соломоновых островах и Цейлоне, в Японии и Сингапуре и не раз сталкивался с этим приятным и полезным для цивилизованных народов поветрием туземной элиты. Ну, когда представители этой самой элиты начинают активно лебезить перед «цивилизованными» иноземцами и демонстративно презирать все свое собственное — культуру, религию, традиции, историю и так далее. Порой доходит до того, что они либо совсем отказываются говорить на родном языке, либо изо всех сил уснащают свою речь иностранными словечками, как бы подчеркивая этим, сколь огромная дистанция отделяет их от достойной лишь презрения «посконности» их страны и народа и как сами они близки к свету «истинной» цивилизованности. Эти люди даже не догадываются, что их столь режущая слух

манера изъясняться вызывает у большинства представителей тех народов, которых они считают «цивилизованными», все то же презрение. Ибо эти люди уже никак не могут считаться людьми. Нет, они были полезны, очень полезны, поскольку служили отличными инструментами для проведения выгодной цивилизованным народам политики в туземных княжествах, эмиратах или царствах, но именно и только лишь инструментами. Их покровительственно похлопывали по плечу, их награждали орденами, им присуждали премии, ими публично восхищались, их имена упоминали на первых полосах крупнейших газет, некоторых из них даже принимали в парламенте, а иные удостоивались аудиенции у самой королевы, но... между собой, в своем кругу, над ними презрительно посмеивались. Ну а как прикажете реагировать на говорящий да еще и пыжащийся инструмент?.. Других, даже какого-нибудь неграмотного, дикого вождя захолустного азиатского племени, возглавляющего жалкую сотню воинов, которые с кремневыми ружьями отчаянно противостоят вооруженному пушками британскому колониальному отряду, могли уважать, признавать как равноправную сторону в переговорах и, даже убив, все равно сохранить о них воспоминания как о достойных противниках. Этих же... ценили, но лишь так, как ценят удобную трость или калоши, — ни больше ни меньше. И сам Эфраим Эверсон относился к подобным людям (а к ним, несомненно, принадлежали и его гостеприимные хозяева) точно так же — ни больше ни меньше. Потому он и не подумал посвятить их не только в цели своего пре-

бывания в этой стране, но и в некоторые относящиеся к нему самому подробности... типа знания языка и того, что проповеди барона он посетил всего два раза. Рассказ о первом посещении сэра Эфраим уже успел ввернуть в одной из ежевечерних бесед, заработав сим благоговейно-восхищенный вздох собравшихся в гостиную генеральши Захаровой, у которой он нынче квартировал. Ну еще бы, местная паства не видела Учителя, как они именовали барона Редстока, почитай с 1878 года, когда барону был запрещен въезд в Российскую империю (что в глазах верных последователей барона являлось еще одним подтверждением отсталости и дремучести их родной страны), и человеку, недавно слышавшему любимого Учителя, внимала как истинному мессии... Второй же случай он пока приберегал про запас, ибо не мог даже предположить, сколько ему еще придется пользоваться гостеприимством генеральши. Так что иметь в запасе возможность в нужный момент еще раз «подпитать» благоволение к себе ему показалось весьма предусмотрительным.

Нет, сначала сэра Эфраим не собирался задерживаться в Санкт-Петербурге надолго — неделя, максимум дней десять... потому что главное, для чего он прибыл в Россию, сделать, находясь в Петербурге, было нельзя.

Все началось дождливым октябрьским вечером в кабинете лорда Солсбери¹. Третий маркиз Солсбери только что оставил пост премьер-министра, но поскольку это случилось не в первый раз, сэра Эфраим не

---

¹ Роберт Артур Толбот Гаскойн-Сесил, 3-й маркиз Солсбери — премьер-министр Великобритании в 1895—1902 гг.

сомневался ни в том, что, ежели будет на то его желание, Роберт Артур Толбот Гаскойн-Сесил вскоре вернет себе этот пост, ни в том, что, хотя в настоящий момент этот человек не занимает никаких официальных постов, он имеет право отдавать ему, Эфраиму Эверсону, любые распоряжения. Некоторые люди, не слишком приближенные к власти, часто находятся под впечатлением от названий различных высоких должностей и думают, что любая высокопоставленная персона непременно обладает всеми возможностями, которые по определению сопутствуют ее должности. Но сэр Эверсон уже давно вращался в среде, так сказать, самых действенных эшелонов британской политики и прекрасно знал, что на самом деле это не так. Все зависит от человека. И один человек на посту, скажем, министра иностранных дел может обладать куда большими полномочиями, чем те, которые данный пост предоставляет согласно закону и традициям, а другой не сумеет воспользоваться и десятой частью положенного и для всех посвященных останется лишь бледной тенью своего постоянного секретаря. Так вот, лорд Солсбери был очень влиятельной фигурой вне зависимости от того, занимал он какой-либо официальный пост или считался частным лицом. Поэтому, когда посыльный доставил приглашение от маркиза, сэр Эфраим не раздумывал ни минуты и уже через два часа предстал перед призвавшим его человеком.

— Рад знакомству, — сказал ему лорд Солсбери.

На самом деле это была всего лишь формула вежливости. Несмотря на то что по формальным признакам

сэр Эфраим принадлежал к кругу дворян, его предки никогда не приближались к порогу палаты лордов, он не носил итонского галстука и даже не прослушал ни одной лекции в Кембридже. То есть сэр Эфраим Эверсон никаким боком не примыкал к числу лиц, знакомство с которыми могло бы хоть на йоту обрадовать лорда Солсбери... Но сам факт, что человек столь высокого полета обратил свое благосклонное внимание именно на него, Эфраима Эверсона, уже был лестным. Потому, вопреки своей любви к точным формулировкам, так уж заикливаться на этой сэр Эфраим не собирался.

— Мне порекомендовали вас люди, которым я доверяю, — продолжил лорд Солсбери, когда гость, повинаясь короткому властному жесту, устроился в кресле напротив. — Дело в том, что я ищу человека для одного деликатного поручения.

Сэр Эфраим понимающе склонил голову. Да, деликатные поручения — это по его части.

Маркиз Солсбери окинул его оценивающим взглядом и попросил:

— Расскажите мне о себе.

Сэр Эфраим говорил долго, почти два часа. И максимально откровенно. Сначала он слегка заколебался, размышляя, стоит ли раскрывать перед собеседником детали ранее исполненных поручений, которые, при формальном подходе, могли бы поставить под вопрос его принадлежность к настоящим джентльменам, но маркиз пришел ему на помощь, несколькими емкими фразами показав, что он в курсе произошедшего и вполне одобряет решительность, проявленную сэром